

Пикуль В. Фаворит. М., АСТ, Вече, 2008. В 2 кн. Кн. I. Его императрица. 606 с. Кн. II. Его Таврида. 606 с.

С. 533. Весь 1772 год Яик отстаивал свои казачьи "вольности", из Оренбурга пушки катили, палили из них в толпу, убивали сотнями. Но казаки того не

стерпели: генерала Траубенберга девки кольями побили, мужики саблями искололи и на кучу навоза кинули: валяйся! Потом судили меж собою: "Уж ко-

ли беда сделана, так бедой и накроемся". Казаки не верили, что Яик строго накажут, - уж столько бунтов им простили! - и сейчас, как ни в чем не

бывало, послали с Яика подарок в Оренбург - икру да рыбку губернатору тамошнему. Но губернатор "отдарился" посылкою генерала Фреймана с пушка-

ми и солдатами; эти войска разбили казаков.

С. 535. В напряженной тишине звучали слова первого манифеста:

"И я, государь Петр Федорович, во всех винах прощаю и жаловаю вас: рякою с вершин и до устья и землю, и травами, и денежным жалованьям, и свинцом, и порохам, и хлебным провизантом. Я, великий государь император, жалую вас..."

Тут все дружно заговорили:

- Ох, горазд Почиталин писать...

На хутор съезжались верховые казаки, слушали манифест. Угождая старообрядцам, Пугачев обещал, что старую дониконианскую веру распространит

на всю Русь-матушку, всех русских людей заставит носить бороды. Потом казаки давали клятву служить ему охотно и верно, вздымали над собой двуперстие.

Самого лучшего коня подвели к Пугачеву.

- С Богом! - призвал он казаков в дорогу.

На знаменах были раскольничьи кресты, ветер развевал знамя Голштинии - знамя императора Петра III.

Так просто все начиналось...

С. 581. Екатерининский царизм Емельян Пугачёв мечтал заменить собственным царизмом.

С. 594. Это правда, что барон Бретейль, ныне французский посол в Вене, напомнил Екатерине давнивший спор в 1762 году, поздравив ее с революцией.

Екатерина в ярости отвечала, что бунт черни на дальней окраине империи нельзя равнять с революцией, а она еще надеется дожить до того времени,

когда сможет поздравить Бретейля с революцией в Париже... Софья Пугачева с детьми проживала на казенных харчах в Казани, а дом Пугачевых в Зимо-

вейской станице императрица велела сжечь, засыпав место пожарища солью, чтобы еще лет сто на этом месте даже трава не росла.

С. 596. Вслед за Оренбургом избавился от блокады и Яицкий городок, в котором изнурение гарнизона дошло до того, что солдаты питались "киселем", сваренным из глины с водою. Потемкин указал щедро наградить потерпевших солдат, а жителям Оренбурга императрица разрешила три года подряд не платить в казну никаких податей. В числе многих близких Пугачеву людей

была схвачена и "царица" Устинья! Все складывалось удачно для Екатерины, но вдруг, как гром среди ясного неба, умер Бибииков, и это было столь неожиданно, что при дворе решили: опоев ядом.

С. 18. кн. 2. После тяжелых боев с повстанцами Михельсон отвел регулярные войска на Уфу и этим маневром открыл Пугачеву дорогу на Каму и Волгу. Народ все

притекал под знамена "Петра III" - неисчислимый, как песок, "пороху же у них столь довольно было, что у убитых сыскивалось в подушках патронов по

15, в особливых мешочках по полфунту пороху...". В июне Пугачев подошел под стены крепости Оса, гарнизон которой, усиленный пушками, решил не

сдаваться. Но солдаты в гарнизоне все же сомневались - царь Пугачев или не царь?

С. 30. А через неделю, 10 января 1775 года, в Москве, на Болоте, казнили Пугачева. Современники сообщают: "Незаметен был страх на лице Пугачева. С

большим присутствием духа сидел он на своей скамейке". Пугачев взошел на эшафот, перекрестился и, кланяясь во все стороны, стал прощаться с народом: "...Прости, народ православный". Палачи набросились на него, сорвали тулуп, стали рвать кафтан. Пугачев упал навзничь, и "вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе" (А. С. Пушкин). "Превеликим гулом" и "оханьем" ответил народ на эту смерть...